

ВЕРНЕР САДОВНИК И ЕГО ПОЭМА «КРЕСТЬЯНИН ГЕЛЬМБРЕХТ»

В середине XIII века, когда классический период рыцарской литературы уже приближался к закату, появилась первая в немецкой литературе «крестьянская повесть» в стихах — «Крестьянин Гельмбрехт» («Meier Helmbrecht»). Мы не знаем, кто был ее автор, назвавшийся Вернером Садовником, и что писал он еще.

О достоинствах его произведения хорошо сказал немецкий филолог Ф-р Панцер¹: «Оно выделяется из широкого круга обычных версификаций того времени уже превосходной формой, живым языком, гибким стихом, исполненным старых вольностей, благодаря чему в ритме его выразились все оттенки естественной речи».

Панцер далее заключает, что поэма Садовника «как в историческом, так и в эстетическом смысле означает такую ступень, которая далеко за собой оставляет все лучшее, что вообще произвела наша средневековая поэзия»².

Вернер Садовник написал своего «Крестьянина Гельмбрехта» в ту пору, когда средневековая Германская империя утратила влиятельное положение, которого она достигла в Европе при Фридрихе I Барбароссе (1152—1190). Уже этот могучий император,

¹ «Meier Helmbrecht von Wernher dem Gartenaere», herausg. von Fr. Panzer, 5 Auflage, 4 Abdruck. Halle, 1951 («Alteutsche Textbibliothek», № 11). Einleitung, S. XVIII.

² Ibidem, S. XXII.

ведя войны в Италии и на Востоке, должен был просить помощи у князей, что ослабило его власть в стране. Когда же во время третьего крестового похода «рыжебородый» утонул, его преемникам пришлось оспаривать шаткий трон от притязаний крупных феодалов.

Рост городов, развитие торговли и денежных отношений привели к тому, что владельцы поместий уже не считали выгодной прежнюю барщину и натуральный оброк, а начинали вводить денежный. Давая за выкуп крестьянам «вольную», они отбирали их наследственные наделы, которые потом сдавали в аренду майерам, богатым крестьянам из бывших старост в поместьях. И в Австрии, и в южной Баварии господа все чаще дробят свои собственные земли, сдавая их арендаторам.

Получая личную свободу, крестьянин оставался зависимым по земле. Крестьяне несли бремя многих повинностей, самой тяжелой из них была «десятина», которую они были обязаны платить со своих доходов помещику. Вторую десятину взимала церковь.

И все же, сравнительно с прежним крепостным состоянием, крестьянин пользуется большей свободой, хозяйствуя, он может продать часть продуктов на рынке. Всему этому придавал большое значение Энгельс. «Больше всего меня интересует твое мнение, — писал он Марксу, — по поводу пункта о почти полном — правовом или фактическом — исчезновении крепостного права в XIII и XIV веках»³. Следует

³ Ф. Энгельс. Письмо к Марксу от 16 декабря 1882 г. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., т. 35, стр. 106.

помнить, что с середины XV столетия господа вновь сгоняли крестьян с земли, восстанавливали домен, возвращались к барщине.

Лишь в XIII веке появился характерный тип лично свободного крестьянина-майера. Другим колоритным лицом стал обнищавший рыцарь. С ослаблением императорской власти сословие рыцарей утратило прежнюю роль в общественной жизни страны. Нравственное одичание в его среде проявляется повсеместно. Рыцари-разбойники рыщут по большим дорогам, нападают на клириков и купцов, совершают набеги на деревни.

Эпигоны куртуазной поэзии продолжали воспевать доблесть и подвиги рыцарства, служение дамам. Но их изощренное по форме, далекое от жизни искусство теряло аудиторию. Владетельных феодалов больше занимали цены на зерно, урожай с виноградников.

В поэме Вернера Садовника представлены подлинные крестьяне и рыцари. Немецкие историки культуры и социологи изучают по ней быт и экономику австро-баварских земель. Нас «Крестьянин Гельмбрехт» интересует как памятник, отразивший развитие самосознания немецкого народа.

Место и время возникновения «Крестьянина Гельмбрехта» установлены немецкими критиками приблизительно, на основании двух дошедших до нас рукописей.

Рукопись А — находится в Австрийской национальной библиотеке в Вене, в составе знаменитой «Амбразской книги героев» («Ambraser Heldenbuch»), содержащей ряд памятников немецкого героического

эпоса и поэтических произведений XIII века. Она выполнена таможенным писцом Гансом Ридом в Бопене по заказу императора Максимилиана I, между 1504—1515 годами.

Рукопись *Б* — в Государственной берлинской научной библиотеке, происходит из верхнеавстрийского Траунгау, сделана в 1457 году, содержит список «Младшего Титуреля» и интересующую нас поэму.

Общие ошибки позволяют заключить, что обе рукописи восходят к одному источнику, в котором оригинал поэмы Садовника уже был списан с искажениями. Венская рукопись внушает большее доверие исследователям, так как известно, что Ганс Рид обычно педантически копировал образец.

Писец рукописи *Б*, напротив, обращается с текстом крайне вольно, он сглаживает размер, переставляет стихи, выпускает слова и целые строки.

В рукописи *А* текст озаглавлен «Майер Гельмбрехт», содержит 1934 стиха, два последних из них сообщают, что «сочинитель зовется Вернером Садовником».

В рукописи *Б* заглавие отсутствует, список заканчивается на 1922 стихе, имя автора не упоминается.

Важное расхождение в рукописях относится к топографии действия. В рукописи *А* указывается местность «между Гогенштейном и Гальденбергом» (ст. 194) и назван целебный Вангхаузенский родник (ст. 897).

В рукописи *Б* — соответственно названа местность «между Вельсом и Траунбергом» и родник в Лойбенбахе.

Таким образом, в рукописи *Б* действие происходит в верхнеавстрийском Траунгау. Согласно же ру-

кописи А, место действия расположено юго-восточнее, там, где Зальцах сливается с Инном. Территория между ними (так называемый Innviertel) до XVIII века принадлежала Баварии.

Полагаясь на тождественность той или другой рукописи оригиналу или ссылаясь на то, что подробности быта, зафиксированные в поэме, строго следуют австрийскому земскому праву, одни исследователи видят в ее авторе баварца, другие — австрийца и лишь немногие — выходца из южного Тироля. Можно заключить лишь одно, что Вернер Садовник достаточно долго жил и в Австрии, и в Баварии, а главное — так ярко отразил социальные перемены, характерные для этих земель, что мы вправе считать его австро-баварским поэтом.

Датируют «Крестьянина Гельмбрехта» в рамках 1246—1282 годов. Отправную точку для датировки дает ст. 217, где упомянут Нейдгарт фон Рейенталь как уже умерший. Годы жизни этого поэта (1180—1240) мы знаем предположительно. Последнее стихотворение Нейдгарта, дата которого установлена, относится к 1236 году. Следовательно, поэма Садовника не могла быть написана ранее.

Эта граница уточнена на основании ст. 728 (в переводе 722). Чешское приветствие «Dobrá utra», сказанное здесь, как полагают, пришло из Австрии. В Австрии же его можно было услышать лишь после 1246 года, когда умер последний герцог Бабенберг и началась борьба за австрийский престол, которая завершилась в 1251 году господством Пржемысла Оттона II чешского. Соответственно поэма Садовника могла быть написана лишь после 1246 года,

Вторая граница для датировки поэмы установлена на основании литературного источника. Австрийский поэт-сатирик, писавший в конце XIII века под именем Зейфрида Гельблинга (Seifrid Helbling), заимствует у Вернера Садовника отдельные мотивы, характерные выражения. Влияние Вернера заметно уже в самом раннем известном нам стихотворении Гельблинга 1282 года. Отсюда явствует, что «Крестьянин Гельмбрехт» не мог появиться позднее этого времени⁴.

Высказывались предположения, что Gartenaege — это фамилия поэта, что это прозвище, и в таком случае Вернер мог быть монахом, исполнявшим обязанности садовника в монастыре. Поэт отождествлялся с австрийским сатириком, неизвестным Братом Вернером, поводом к чему послужило совпадение имен, а также то, что оба они в своем творчестве обличали пороки века. Однако Рудлоф и Панцер опровергали это тождество.

Сатирические выпады против монахинь (ст. 107 и сл.), а главное, слова старого крестьянина, что он не даст попу ничего сверх установленной доли (ст. 780 и сл.), не вызывающие порицания автора, вообще не вяжутся с тем, что Вернер принадлежал к духовенству. Скорее он мог быть одним из «бродячих лю-

⁴ Прямые указания на «Крестьянина Гельмбрехта» встречаются впервые около 1310 г. в австрийской «Рифмованной хронике» Оттокара, ст. 26417 и сл.: «Поучениям отца Гельмбрехта буду я подражать, а с беспутством сына его — враждовать»... Поэма проникла в Богемию в XIV в. Чешский философ Чтитни (Stitný) использует имя Гельмбрехт как нарицательное в смысле «блудодей», «развратник», образует от него форму женского рода «helmbrechtice» и прилагательное «helmbrechtny».

дей», странствующих поэтов, которые находили слушателей на постоянных дворах, селах и ярмарках, охотно пользовались щедротами владельцев замка.

Вернер сам вспоминает о своей скитальческой жизни (ст. 847 и сл.). Однако, кем был поэт по рождению, какая среда воспитала его? Он знает крестьянскую жизнь не понаслышке и, описывая быт австро-баварского майера, поражает нас повседневными подробностями. Советский ученый Б. И. Пуришев видит в Вернере поэта, «вышедшего, вероятно, из крестьянской среды»⁵. Панцер⁶ также допускает, что Вернер мог происходить из крестьянства.

Некоторые критики считают автора поэмы мелким министерялом, как Нейдгарт и Вальтер фон дер Фогельвейде.

В ст. 864 (в переводе 865) Вернер ясно дает понять, что он не был знатного происхождения. Но он мог быть воспитан в рыцарском кругу, о чем свидетельствует его эрудиция. С известным щегольством упоминает он героев троянской войны, Ронсевальской битвы, сражения при Равенне; называет герцога Эрнеста, легендарного короля Артура. Помимо эпических легенд и преданий он знаком с литературой своего века. Немецкие критики отмечают влияние на Вернера стилистической манеры такого значительного рыцарского поэта, как Вольфрам фон Эпенбах, обнаруживают у Вернера знание поэзии Гартмана фон Ауэ, общность мотивов с Фрейданком и Штри-

⁵ Б. И. Пуришев. Вернер Садовник. — «История немецкой литературы», т. 1. М., Изд-во АН СССР, 1962, стр. 130.

⁶ «Meier Helmbrecht von Wernher dem Gartenære», herausg. von Fr. Panzer. Halle, 1951. Einleitung. S. XIII.

кером. Но из всех современников, которых Вернер мог знать, он упоминает лишь Нейдгарта, о котором говорит с большим почтением.

Нейдгарт фон Рейенталь — баварский рыцарь, в его лирике получила новое направление куртуазная поэзия так называемого сельского миннезанга. В своих произведениях он изображает не условную картину жизни, а ряд натуралистических сцен из деревенского быта. Цикл «Зимних песен» закрепил за Нейдгартом репутацию врага крестьян. Одна из этих песен имеет прямое отношение к «Крестьянину Гельмбрехту»⁷. В ней с насмешкой рассказывается об одном «дурачине», крестьянине Гильдемера, он отрастил длинные волосы и завел себе шапку, на которой шелками были вышиты птицы. Тщеславный крестьянин захотел «сравняться с благородными людьми», с теми, кто вырос и воспитался при дворе. Если он попадется к ним в руки, грозит Нейдгарт, они расправятся с ним и разорвут его шапку.

Сюжетом «Крестьянина Гельмбрехта» является история юного Гельмбрехта, крестьянского сына, который захотел возвыситься над своим сословием и стать рыцарем, за что был жестоко наказан. Вернер повторяет многие выражения Нейдгарта и приводит подробности, касающиеся длинных волос и необыкновенной шапки героя. Короткий рассказ о тщеславном крестьянине, едва намеченный у старшего поэта,

Neidhart von Reuenthal. Lieder. — В кн.: «Der Minnesang des 12. bis 14. Jahrhunderts» — в серию: «Deutsche National-Literatur», herausg. von J. Kürschner. 8. Band, 1. Teil, 1. Abteilung. Stuttgart, 1858, S. 113—114 (V. 531—562).

у Вернера развит в эпическое повествование с многими эпизодами, самобытно очерченными характерами.

Мысль, что Вернер заимствовал нейдгартовский сюжет, стала уже общим местом в немецкой критике.

На первый взгляд кажется, что точка зрения Вернера на тщеславных крестьян не отличается от его предшественника. Но развитие сюжета убеждает нас в том, что поэты стоят на различных идейных позициях. В побасенке Нейдгарта слышен голос чванливого рыцаря: с беспокойством взирает он на разбогатевших крестьян, а обуздать этих «ниспровергателей устоев» предлагает с помощью кулачного права.

Вернер тоже осуждает своего героя. Но он говорит это так, как мог бы сказать патриархальный крестьянин, встревоженный переменами в молодом поколении, небрежением к труду и неуважением к собственному сословию. Ведь труд крестьянина — опора и украшение всей земли. По словам поэта, всякая тварь земная, птицы и звери, кормятся от него. И прекрасные дамы процветают, и короли имеют власть благодаря крестьянину.

И его самозванный рыцарь терпит крушение не из-за одного только тщеславия. Непрощенный грех его в том, что, спознавшись с рыцарями, он пытается и грабит крестьян. За это он принял смерть от их рук, а вовсе не был унижен знатью, как Нейдгартовский Гильдемар.

Если Вернер Садовник и был рыцарем, то рыцарем, непохожим на других. Ему довелось стать выразителем мыслей крестьянства, его гордости своим трудом и ненависти к высшим сословиям.

*

Ценность рассказа для Вернера заключается в его жизненной достоверности. Уже в зачине поэмы он обещает поведать о том, что сам видел, и дальше заявит не раз: «Рассказ не выдумка, не вадор... но это было, я видел сам». А между тем и книжный источник для него имеет авторитет безусловного факта. Рассказывая, как мужик купил коня и сколько добра за него отдал, поэт поясняет: «Про то узнали мы из книг» (ст. 391, в переводе 393), хотя это и противоречит тому, что он был очевидцем событий. Вернер вообще не старается свести концы с концами и мало заботится о логике частных фактов.

Реплика «про то узнали мы из книг» имеет еще цель пародийного подражания средневековым авторам, украшающим свои сочинения ссылками на литературный источник. Пародия же или даже шутливое подражание предполагают полемику. Не даст ли нам это ключ к методу Вернера, не позволит ли лучше понять, к какому жанру отнести его поэму?

На этот счет есть много толкований. Рудлоф, один из первых исследователей Вернера, считает, что в «Крестьянине Гельмбрехте» объединились два направления — рыцарская дидактика и сельский миннезанг⁸.

Фр. Панцер видит в поэме «не столько чистый эпос, сколько переряженную в эпические одежды сатиру»⁹.

⁸ См. библиографию: Rudloff A.

⁹ См. библиографию: Panzer Fr.

Г. Фишер обнаруживает в фабуле «Крестьянина Гельмбрехта» дважды повторенную параллель к евангельской притче о блудном сыне, а в отношении метода — принцип «художественного эклектизма»¹⁰.

К. Ру рассматривает структуру поэмы как удвоенную схему куртуазного романа (приготовления героя к отъезду — отъезд — приключения — возвращение), пересаженную на деревенский луг и в крестьянскую горницу, и считает, что прямым прототипом для Вернера послужил «Григорий» Гартмана фон Ауэ¹¹.

Г. Кольб¹², вслед за Зейдлером¹³, указывает на обилие диалогов в поэме и заключает, что здесь мы имеем дело с особой формой, стоящей между эпосом и драмой.

Исследователи «Крестьянина Гельмбрехта» придерживаются двух точек зрения: одни ученые, как Кейнц, видят в фабуле поэмы реальный факт. Кейнц и его последователи¹⁴, доверившись берлинской рукописи, обследовали указанную в ней местность и обнаружили два крестьянских хозяйства, за которыми до XVIII века держалось прозвание «гельмбрехтова двора». Соответственно были «открыты» другие реалии, описанные в поэме.

¹⁰ См. библиографию: Fischer H.

¹¹ См. библиографию: Ruh K.

¹² См. библиографию: Kolb H.

¹³ См. библиографию: Seidler H.

¹⁴ F. Kein z. Helmbrecht und seine Heimat. München, 1865; Leipzig, 1887; L. Fulda. Einleitung zu einer Übersetzung Meier Helmbrechts. Halle, 1890; M. Schlickinger. Der Helmbrechtshof und seine Umgebung. 51 Bericht über das Museum Francisco-Karolineum. Linz, 1893.

Современным ученым, как Фишер, Кольб или Ру, этот подход кажется наивным, прежде всего потому, что в художественном произведении они видят создание творческой фантазии, для которой отдельный случай мог быть лишь побудительным толчком. Эти критики заняты поисками «модели» для нашей поэмы, в виде сюжетной схемы, поэтического прототипа или определенного жанра с его устоявшимися чертами¹⁵.

Этих исследователей сближает одно: они видят в поэме Садовника «надвременное», «общечеловеческое» содержание и мало придают значения исторически обусловленному. Даже Кольб¹⁶, в полемике с Фишером убедительно доказавший, что «Крестьянин Гельмбрехт» является прямым антиподом к притче о блудном сыне, тем не менее говорит, что поэма «надсловна и едва ли не надвременна».

За поэмой Вернера Садовника практически стоит опыт средневекового героического эпоса, рыцарского романа, а также опыт развивающейся городской литературы — шпруха (морально-дидактического изречения), стихотворного шванка.

¹⁵ На этом пути было сделано немало интересных наблюдений. Так, в названной статье Фишера дается анализ «возвращающихся мотивов в «Крестьянине Гельмбрехте»: троекратное повторение мотива наказания через отсечение руки, ноги, ослепления и повешения, троекратное упоминание о вещих снах и др.; в статье Зейдлера рассмотрен язык и композиция поэмы, ее стиль и особенности стиха. Зейдлер первым отметил, что чередование частей поэмы, различных по характеру, выразительно подкрепляется сменой ритмов стиха, не связанного определенным размером, что и стремился передать переводчик.

¹⁶ См. библиографию: K o l b H.

Владея выработанными до него приемами, Вернер распоряжается ими свободно, по своему усмотрению. Поэма Вернера эпична уже той полнотой, с какой на ее холсте прорисовываются подробности быта, житейских обстоятельств. Жизнь разворачивается на нем материальная, слегка тяжеловесная. А за всем этим чувствуется присутствие автора. Он поучает, комментирует события, постоянно обращается к слушателям. В своих репликах он клеймит то неправого судью, то разгульную монахиню, беспутного крестьянского сына и грабителей рыцарей.

Необычность его изложения заключается в разнообразии поэтического тона, сочетающего суховатую деловитость и фантазию, мужицкий юмор и поучительность. В иных местах Вернер натуралистически груб и доходит до гаерства, в других поднимается до трагического пафоса. Сердцевина его поэмы — сатирически гневное обличение рыцарства. Но сатира Вернера не рядится в платье с чужого плеча, как думает Панцер. Реминисценции из рыцарской литературы и устоявшиеся эпические приемы обретают здесь новые функции под влиянием новизны содержания.

В этом смысле можно понять достопримечательность поэмы: описание шапки Гельмбрехта разрастается до восьмидесяти строк, ответвляясь от основного сюжета. Реальный предмет как бы начинает жить своей отдельной жизнью. Таковы законы эпической поэзии, которые впитала поэма Вернера. Но автоматизм эпического приема разрушается. Шапка Гельмбрехта и его длинные волосы, какие носили рыцари, становятся овеществленной метафорой. В них зримо воплощены притязания героя возвыситься над своим

сословием. 'История шапки — символическая параллель к судьбе Гельмбрехта¹⁷. Гельмбрехт был казнен за свои злодеяния; золотые пряди его волос вырвали, шапку разодрали, бросили в грязь.

В композиции поэмы история шапки становится обрамлением для всех других перипетий. Вот важнейшие из них: Гельмбрехт решает стать рыцарем, отец тщетно отговаривает его и рассказывает свои сны, предвещающие несчастье. Гельмбрехт вступает в дружину рыцаря-разбойника и грабит крестьян. Соскучившись по дому, он приезжает к родителям, те не узнают его, так как на все приветствия он отвечает на чужеземных языках. Лишь когда отец отказывает «чужаку» в крове и пище, он открывается родителям и в доказательство, что он их сын, называет имена четырех быков из отцовского стада.

За праздничным ужином отец и сын рассуждают о новом и старом времени. Пробыв неделю, Гельмбрехт прельщает сестру замужеством с разбойником Лемберслингом. Совершается брачный обряд, идет пир. Внезапно является судья с подручными, разбойников вяжут, ведут на суд, приговаривают всех к повешению. Одному только Гельмбрехту судья за выкуп оставляет жизнь. Ему отрубают руку, ногу и ослепляют.

Гельмбрехт ищет приюта у отца, но старик прогоняет его. Наконец, он встречается в лесу крестьян. Мужики вспоминают обиды, причиненные Гельмбрехтом, и казнят его своим судом.

¹⁷ Символике этого образа посвящена содержательная статья Иттенбаха. См. библиографию: Ittenbach M.

Можно видеть, как на этой канве выстраивается ряд эпизодов в духе средневекового шванка. В поэме Вернера эти эпизоды не автономны, как это имеет место хотя бы в «Попе Амисе» его современника Штрикера, где веселые истории объединены только личностью их героя. В «Крестьянине Гельмбрехте» все они подчинены развивающемуся плану.

От бюргерского стихотворного шванка истории Вернера отличаются чувственным блеском опоэтизированной материи. Бюргерская литература не умела создать ничего подобного в изобразительном отношении.

Одни эпизоды поэмы оригинальны, в других угадываются бродячие сюжеты. Конец эпизода, где герой приезжает домой и родители не могут узнать его, поразительно напоминает узнавание Пенелопой Одиссея. Факты, которые должны удостоверить личность Гельмбрехта, — назвать четырех быков, — как и следует из самой природы шванка, даны в сниженном плане и взяты из крестьянского обихода.

Короткий сатирико-юмористический рассказ, каким является шванк, обычно исчерпывается в одной ситуации. Вернер Садовник неслыханно смел в обращении с доставшимся ему наследством. Он размыкает замкнутую структуру шванка: в конце поэмы ситуация повторяется, но уже в перевернутом виде. Гельмбрехт прибрел к отцу. Теперь старик притворяется, что не знает его, насмешливо называет знатным рыцарем, приветствует по-французски. Свирепый юмор этой сцены проникнут трагизмом, и это уже собственно вернеровское, не заимствованное.

Взаимопроникновение трагического и комического

не частный случай, а одно из начал, определивших колорит поэмы. Подобие этого мы встретим в немецкой литературе XVII века — в «Симплициссимусе» Гриммельсгаузена.

Через всю поэму проходят прения отца с сыном. Здесь в полную меру раскрылся Вернер-дидактик. В спорах старшего Гельмбрехта с младшим столкнулись две морали, два мировоззрения, по терминологии поэта — правда и кривда, верность и бесчестье. Старик с достоинством говорит о труде земледельца, считает, что сладок лишь хлеб, добытый честно. Аргументы отца для сына не имеют цены.

Спор достигает своей кульминации в застольной беседе. Здесь сосредоточена идейная сторона произведения.

Старик скорбит о стародавних обычаях, когда «все умножало честь и славу». Речь идет преимущественно о нравах рыцарства. Житейская мотивировка позволяет ввести описание придворных обычаев в духе рыцарского идеала. Устами крестьянина здесь высказывается и сам поэт. Вернер не чужд рыцарскому идеалу, он находится под его обаянием. Только в его представлении этот идеал безвозвратно утрачен.

Нравственное падение Гельмбрехта, сестра его, бежавшая из родительского дома к разбойнику, черница, прельщенная придворной жизнью, — все это знамения времени.

Современность воспринята поэтом как момент величайшего кризиса, разрушившего моральные ценности и в замке, и в селе.

Сходные жалобы мы слышим от современников Вернера: «Ложь и обман стали привычным делом»;

«Куда больше, чем честного бедняка, уважают теперь того, кто проклятыми хитростями нажил себе нечистое богатство. . .» — восклицает Штрикер¹⁸.

Ему вторит Фрейданк, скорбя об упадке нравов.

Вернер взял то, что было у всех на устах. Новшество его в том, что горестные истины в «Крестьянине Гельмбрехте» звучат не безлично. Они произносятся старым крестьянином, не могущим отрешиться от средневековых, церковью освященных представлений о «справедливом порядке», согласно которому все сословия связаны цепью взаимных обязательств: мужик кормит рыцаря, рыцарь защищает крестьянина. Теперь все обнаружило свою иллюзорность, все законы стали сомнительны.

Сущность спора сводится к тому, что отец и сын говорят об одном и том же, только оценивают все по-разному. Это ясно видно из реплики Гельмбрехта, окрашенной авторской иронией: «Грабеж, разбой, — в том нету зла, все это добрые дела» (ст. 1275 и сл.).

Художественная проницательность Вернера сказалась в том, что упадок морали, как и самый облик разбойника Гельмбрехта, он рисует не лишенным опасной привлекательности. Есть какая-то забубенная лихость в этом крестьянине, перешагнувшем порог предназначенного ему мирка и в беззаботном разгуле в грош не ставящем власть и закон.

В перечислении товарищей Гельмбрехта, их разбойничьих кличек и «подвигов» трагическое не просвечивает, сатира Вернера выступает только в виде

¹⁸ «Kleinere Gedichte von dem Stricker», herausg. von K. A. Nahn, Quedlinburg, 1839, S. 279, 293,

комического гротеска. Однако характер повествования меняется, когда Живоглот, — такова кличка Гельмбрехта, — угрожает расправиться с крестьянами (ст. 1239 и сл.).

О злодействах Гельмбрехта говорилось и раньше, но нигде они не были показаны так впечатляюще, как в этом «каталоге пыток». У автора нет здесь и тени острословия: шутливый тон неуместен на бойне. Нет и дымки той привлекательности, которой крестьянин Гельмбрехт был окружен в иных местах поэмы, — он уже вполне дорос до рыцаря.

Гельмбрехту и его сестре Готлинде лестно слыть побочными детьми рыцаря. Формулы куртуазной речи — «гордый рыцарский дух», «высокий пыл» и т. п. звучат в их устах пародийно. Ирония автора распространяется здесь не только на этих рыцарских полукровок, но задевает литературные источники, где эти формулы стали поэтическими штампами.

Меньше всего применительно к методу Вернера можно говорить об эклектизме. Поэт прибегает к испытанным художественным приемам, когда они помогают ему прояснить картину жизни и выразить к ней свое отношение. Сюда относятся «вещи сны» — мотив, широко распространенный в героическом эпосе и в куртуазном романе, но прежде всего — сказочный мотив. Сны старого майера, предвещающие гибель Гельмбрехта, как часто встречается в средневековой аллегорической живописи, обладают жутковатой реальностью.

Но традиционные стилистические приемы и сюжетные ходы переосмысливаются поэтом в тех случаях, когда несут на себе отпечаток чуждых ему

воззрений. Так, в героическом эпосе и куртуазном романе часты перечисления придворной свиты с указанием имен и высоких должностей. На свадьбе Готлинды и Лемберслинда тоже есть казначей и дворецкий, конюший и кравчий и прочие почетные слуги. Но это все те же разбойники — Живоглот, Острый-клюв, Волчья-пасть, Волчья-утроба и т. д. Пародия ли это на рыцарский роман, героический эпос? Нет, — правдивое изображение жизни, где само рыцарство уже стало пародией, где нет благородства — кругом только волчьи пасти и волчьи утробы!

Вызванная к жизни новыми явлениями самой действительности — возросшим антагонизмом между крестьянством и высшими сословиями, — поэма Садовника и по этому поэтическому облику была явлением новым. Рамки прежней эпической поэмы в ней были разбиты вторжением шпруха и сатирического шванка. Но сатира, не редкая у современников, здесь впервые получила эпическое звучание. Сумма художественных приемов предшествующей литературы оказалась в «Крестьянине Гельмбрехте» не заемным богатством, а преобразилась, получила новое назначение.

Произошло это потому, что силой преобразования была авторская мысль, его точка зрения на каждое виденное им событие.

Нигде, до периода крестьянской войны, в Германии растущее самосознание немецкого народа не выразило себя так сильно, а жгучая ненависть крестьян к рыцарству не предстала так откровенно.